

Между зрадой и победой - исповедь израильтянина - беженца с Донбасса

Проукраинский митинг в Донецке, 5 марта 2014

Судьба Максима типична для многих проукраински настроенных дончан еврейского происхождения. Весной 2014-го выходил на митинги за единую Украину (а они были и в Донецке, и весьма многочисленные), после оккупации уехал в Киев, а спустя несколько месяцев репатриировался в Израиль. Сегодня живет в треугольнике Хайфа — Киев — Донецк (где остались многие близкие люди). О корнях конфликта на Донбассе, первой фазе его развития и ситуации, в которой оказалась еврейская община, мы говорили с Максимом еще в январе 2015-го ([см. «Между ватниками и вышиватниками», «Хадашот», №1, 2015](#)). Сегодня пришло время говорить о тяжелых последствиях, оказавшихся гораздо глубже, чем виделось несколько лет назад. Итак, горький монолог человека, который, возможно, заставит задуматься как свидетелей зрады, так и адептов победы.

Человеческая глупость — одно из самых ярких впечатлений за четыре года этого конфликта. Нет, глупцами я называю вовсе не тех, кто не согласен с моей точкой зрения, — тоже порой субъективной. Глупость — это примитивное и упрощенное видение мира, отсутствие критического анализа и, главное, — полное отсутствие самокритики и готовности пересмотреть свою позицию.

Очень многие знакомые (а среди них — умные, образованные и интеллигентные люди) неожиданно поверили в то, что конфликт на Донбассе начался из-за условной «донецкой бабушки», призвавшей русские танки. И вообще, если «донецкие» сами все это допустили и не остановили, то... Все попытки объяснить, что пассивность моих земляков — далеко не главный фактор, повлиявший на ситуацию, наталкивались на стену непонимания.

Да, регион наш достаточно пассивен, и я сам иногда думаю, мол, если бы тогда на проукраинские митинги нас выходило не десять, а пятьдесят тысяч человек, возможно, все сложилось бы по-другому... Возможно, но ...сомнительно. Гораздо большую роль сыграли в те дни общая геополитическая ситуация, близость границы с Россией и, в конце концов, предательство украинской власти, просто сдавшей регион.

Титушки на донецком Евромайдане, 22 января 2014

Я часто слышу вопрос-упрек: что делали дончане весной 2014-го, чтобы защитить свой город? И отвечаю: «То, что делают все граждане в любом нормальном государстве. Работают и платят налоги, на которые содержатся армия и полиция. Которые, в свою очередь, обязаны защищать своих граждан, их безопасность и целостность страны».

Мне трудно представить себе картину, когда в Израиле или США террористы при поддержке местных маргиналов и городских сумасшедших захватывают тот или иной город, но претензии в итоге предъявляются не к полиции, армии и властям, которые это допустили, а к жителям самого города. Обычно в таких случаях проводится спецоперация, уничтожаются или берутся под арест террористы и их активные пособники, проштрафившиеся официальные лица подаются в отставку, а пострадавшие жители получают компенсации. Так должно быть, но у нас все по-другому, и общество принимает это как норму.

Впрочем, это уже перевернутая страница истории. Но нормой стало и мнение, что

все «нормальные» (читай — «наши») из Донбасса выехали, остались лишь

сепары и быдло. Налицо классический сталинский принцип — если со своими не эвакуировался, в партизаны не ушел, не застрелился, значит — предатель или, как минимум, пособник оккупантов.

Попытка объяснить, что у человека могут быть тысячи личных причин не покидать родной город, просто игнорируется. Люди не уезжают потому, что не могут оставить старых родителей, больных родственников; привязаны к своему дому; не имеют средств и специальности для обустройства на новом месте; не рассчитывают на социальные программы для переселенцев и так далее, и тому подобное. В конце концов, отъезд — это колоссальный стресс, на преодоление которого не у каждого есть силы. Как можно осуждать за это? Десятки тысяч сограждан не могут решиться уйти с плохой работы или развестись, когда отношения исчерпали себя, — очень сложно изменить свою жизнь даже в условиях мирного времени. И во много раз труднее выйти однажды из своей квартиры с одним чемоданом и уехать в неизвестность, став беженцем. С другой стороны, не каждый из покинувших город дончан пошел на этот шаг из патриотических побуждений.

В 2014 году мы оставили не свою квартиру, а прошлую жизнь. Обнулить счетчик, начать все с начала, открыть новые горизонты — не более чем красивые слова, не отражающие драму, постигшую большинство переселенцев.

Разумеется, примерить на себя ситуацию, понять, почему конкретный человек сделал или не сделал тот или иной выбор, очень сложно. Гораздо проще окрасить его в какой-то цвет, повесив соответствующий ярлык, — и именно это происходит по отношению к «донецким».

На самом деле в реальной жизни куда больше оттенков. В молодости, изучая историю Гражданской войны в России, я удивлялся, как это так получается — человек был белым, а вскоре стал большевиком. Или эмигрировал, а потом вернулся в Советскую Россию.

Только сегодня я понимаю, что в первую очередь это был не белый или красный, а человек со своими личными обстоятельствами, попавший в жернова жестокой эпохи. Пора перестать делить людей на категории, а попытаться увидеть *конкретного* человека в *конкретных* обстоятельствах и понять, почему он сделал именно такой выбор.

Это касается не только «донецких» или вынужденных переселенцев, но и, например, участников АТО. Это ведь совершенно разные люди — патриоты-добровольцы, мобилизованные, мародеры, мечтающие о наживе, военнослужащие, выполняющие свою работу, — люди с совершенно разной мотивацией или без оной. Кто-то шел защищать свою землю от оккупантов, кто-то — брать взятки на блокпостах, кого-то случайно занесло.

В итоге все эти люди будут окрашены в один цвет: черный или белый — в зависимости от господствующей на данный момент идеологии. Один ярлык сразу на сотни тысяч людей — без малейшего интереса к отдельной личности.

А правда... она неудобна своей сложностью, многогранностью и невозможностью втиснуться в устоявшийся шаблон. Каждый видит свою часть правды, выдавая ее за всю правду целиком, что, по сути, и является ложью.

Митинг переселенцев с временно оккупированных территорий, Днепрпетровск

Это в полной мере применимо и к ситуации в Донецке вообще, и еврейской общине города, в частности.

В Донецке работают предприятия, магазины, ездят машины, по улицам ходят люди — все это есть, но в совершенно несопоставимых, по сравнению с довоенным временем, масштабах. С карты города словно исчезли аэропорт, вокзал, многие банки.

Похожая ситуация и в еврейской общине. Действуют отдельные еврейские организации и некоторые проекты, но большинство из них закрылись или были урезаны. Евреи в городе вроде бы есть, но несравнимо меньше, чем несколько лет назад.

Вообще, феномен «донецких» претерпел после 2014-го интересную трансформацию.

В Facebook появилась группа «Донецкие Киевские», есть подобные группы и в других городах и даже странах. Кто-то из переселенцев осел на новом месте и уже ассоциирует себя с ним, кто-то мечтает вернуться в родной город, кто-то по-прежнему считает, что дончанин — это человек, живущий в Донецке. Иногда на это накладывается отношение к конфликту — от «уехав, вы

предали родной город» до «пока там будет ДНР, я туда не вернусь».

Еврейская община повторяет этот паттерн. В Донецке продолжает функционировать синагога, вместе с тем, была создана Донецкая еврейская община в Киеве. Многие евреи из Донецка уехали в Израиль и, не успев организовать там в землячество, продолжают вращаться в своем кругу на уровне социальных сетей.

В результате возникают довольно сложные модели самоидентификации, как представили мне недавно одного человека: это мой донецкий брат из Израиля, он сейчас в Киеве живет.

Нельзя не отметить сходство ситуации в ЛДНР с сектором Газа. Именно с этим анклавом, а не с Южной Осетией или Абхазией, где военная фаза противостояния была относительно короткой. Кроме того, в этих непризнанных образованиях действительно живут отдельные народы — абхазы и осетины.

Донбасс — иная история. Одним не прекрасным утром дончане проснулись и услышали: «Поздравляем, с этого дня — вы новороссы, и живете в ДНР». Никто не понимал, что это значит, ведь жители Донецка не являются отдельным народом и мало чем отличаются от обитателей соседних областей.

Подобным образом и арабы сектора Газа не отличались от окружавших их соплеменников, пока им не объявили, что они, оказывается, палестинцы, не обнесли границей и начали лепить палестинский народ. И он *реально* начал создаваться, поскольку группа людей, живущая на изолированной территории, переживающая одинаковые события и подвергающаяся информационной обработке, рано или поздно станет единым социумом.

Таким образом, если ОРДЛО не вернется в обозримом будущем в Украину или эти территории не аннексирует Россия, есть реальные шансы на создание там некоей новой общности.

И как возник, пусть и искусственным путем, палестинский народ, так в будущем вполне может родиться народ Новороссии. Есть и другие моменты, сближающие ОРДЛО с сектором Газа. Например, перманентная война как механизм управления территорией и формирования идентичности; ведение огня из жилых кварталов, прикрываясь гражданским населением; планомерное обрушение экономики, создающее предпосылки для пополнения местного ополчения, служба в котором становится единственной возможностью кормить семью; подавление любого инакомыслия и т.д. и т.п.

Есть ли из всего этого выход? Он там же, где и «вход», то есть внутри нас.

Я убежден, что наши действия мало определяют конечный результат. Человек может выходить на киевский майдан или донецкий референдум исходя из самых лучших побуждений или иллюзий — называйте как угодно. Но зачастую конечный результат борьбы отличается от того, на который вы рассчитывали. И все решают совсем другие люди в высоких кабинетах исходя из своих (а не ваших) интересов.

Можно быть трижды патриотом и героем войны, но если твой генерал предатель, война будет проиграна. Потому что генерал даст приказ пропустить колонну Гиркина в Донецк или выходить из Иловайского котла в пристрелянный врагом коридор. Значит ли это, что твои поступки ничего не определяют?

Вовсе нет. На духовном уровне твои действия определяют буквально все. Потому что главное, — это какой путь ты прошел и кем стал. С этой точки зрения — главное — выйти в нужный момент на майдан и вступить в бой — и важно не чем он кончится, а как ты себя в нем вел.

А через какое-то время в аналогичной ситуации правильнее уже никуда не выходить, ведь пройденный путь и накопленный опыт подскажут, что все это — обман.

А потом смысл состоит уже в том, чтобы просто не сломаться и не разочароваться, а сохранить веру в себя, людей и Б-га.

В идеале каждый из нас должен найти и осмыслить свой «выход» и свой

путь. И чем больше появится людей с осмысленным подходом к жизни, тем взрослее и совершеннее станет общество.